

Глава шестая

Женское окружение императора: тетка, сестра и бабка

В той или иной степени влияние на поведение юного царя и на формирование его характера оказывали члены его семьи. Так случилось, что это были исключительно женщины — его тетка цесаревна Елизавета Петровна, сестра Наталья и, в меньшей степени, бабка Евдокия Федоровна.

Среди названных персон особо следует выделить имя Елизаветы Петровны. Отношения между теткой и племянником заслуживают внимания не столько с точки зрения их исторической значимости, сколько с бытовой и нравственной стороны, ярко иллюстрируя атмосферу, существовавшую при дворе того времени. Елизавета Петровна не пыталась удержать племянника ни от разгульных походов, ни от страсти к охоте. Более того, ее вполне устраивала беззаботная жизнь племянника, наполненная удовольствиями и развлечениями всякого рода: эта жизнь полностью соответствовала ее собственным вкусам. Если называть вещи своими именами, то царевна, бывшая на шесть лет старше своего племянника, стала его любовницей. Причем не она соблазнила царя, а наоборот, тот влюбился в нее и стал добиваться — и добился! — от нее взаимности.

К тому времени капризный двенадцатилетний отрок уже познал прелести общения со слабым полом. Вообще надо сказать, что Петр был не по годам развит физически. Высокий и хорошо сложенный, он выглядел намного старше своего возраста.

Первым своими впечатлениями о внешности будущего императора поделился французский дипломат Лави. В 1719 году, когда Петру было всего четыре года, он писал в своем донесении: это «один из самых красивых принцев, каких только можно встретить; он обладает чрезвычайной миловидностью, необыкновенной живостью и выказывает редкую в такие молодые годы страсть к военному искусству».

Прусский посланник Мардефельд тоже запечатлел внешний облик великого князя — правда, с чужих слов. В 1725 году он доносил о «прекрасных и замечательных внешних качествах» юного Петра Алексеевича.

«Собою он был очень красив и росту чрезвычайного по своим летам», — извещал свой двор в 1728–1729 годах испанский посол де Лириа. Другие наблюдатели отмечали лишь высокий рост Петра. Маньян в декабре 1728 года писал: «...надо по правде признать, что он так высок и фигура его настолько сложилась, как будто бы было ему теперь 16 или 18 лет, хотя ему идет лишь 14-й год». Ему вторил английский дипломат К. Рондо в ноябре 1729 года: «Он очень высок и силен для своих лет».¹

Отрок пал жертвой необыкновенной внешней привлекательности своей тетки. В Елизавету трудно было не влюбиться — все современники, в том числе и иностранные послы, единодушно отмечали ее редкую красоту. Она «чрезвычайно красива», — отмечал в 1722 году прусский посол Мардефельд. О «необыкновенной красоте» принцессы доносил своему двору год спустя испанский посол де Лириа: «Красота ее физическая — это чудо, грация ее неописанна».² И несколькими годами позже: «Она такая красавица, каких я никогда не видывал. Цвет лица ее удивителен, глаза пламенные, рот совершенный, шея белейшая. Она высока ростом и чрезвычайно жива. Танцует хорошо и ездит верхом без малейшего страха».

¹ Сб. РИО. Т. 75. С. 276.

² Сб. РИО. Т. 15. С. 380; Оснадцатый век. С. 34, 113.

Неизвестно, знал ли Петр, что в свое время императрица Екатерина I по совету Остермана обсуждала возможность соединить его с теткой брачными узами. Инициаторы этого плана намеревались погасить таким способом соперничество в окружении императрицы двух «партий», одна из которых ориентировалась на Елизавету, а другая — на великого князя.

В записке, поданной Екатерине, Остерман убеждал императрицу, что близкое родство не противоречит браку: «Вначале, при сотворении мира, сестры и братья посягали, и чрез то токмо человеческий род сплужался, следовательно такое между близкими родными супружество отнюдь общим натуральным и божественным фактам не противно, когда Бог сам оно, яко средство мир распространить, употреблял». Главное достоинство своего проекта Остерман видел в том, что его осуществление избавит страну от распрей между «партиями». По его мысли, этот брак должен был обеспечить стране и трону спокойствие, устранить возможность потрясений; кроме того, было бы обеспечено и благополучие самой Елизаветы.

Однако заманчивый проект Остермана решительно противоречил церковным канонам. Маньян в депеше от 27 ноября 1726 года сообщил о запросе Синоду, допустим ли брак между теткой и племянником, на что был получен ответ, что это равно воспрещается и «божественными, и человеческими законами». Отрицательный ответ, однако, не удовлетворил двор. Особые уполномоченные с ходатайством о разрешении на брак были отправлены в Константинополь и Александрию, к тамошним греческим патриархам.

Когда стало ясно, что надежды на положительный ответ патриархов стали эфемерными, Екатерина занялась поисками других женихов для своей дочери. Из желающих претендовать на руку и сердце Елизаветы императрица избрала двоюродного брата герцога Голштинского (супруга ее старшей дочери Анны) епископа Любского Карла.

При этом двор проигнорировал новое предостережение Синода — о том, что, согласно догматам Православной церкви, брак «двух двоюродных братьев с двумя сестрами не может быть допущен». Шансы отпраздновать свадьбу были велики.

Жених прибыл в Петербург, был обласкан императрицей, награжден орденом Андрея Первозванного. Будущая теща удостоила своим присутствием устроенный женихом бал, продолжавшийся до семи утра. В декабре 1726 года Карл обратился к императрице с письмом, переведенным на русский тяжеловесным слогом, в котором высказал желание сочетаться браком с Елизаветой Петровной: «...Я с моей стороны не знал себе в свете вящего счастья желать, как чтоб и я удостоен быть мог от вашего императорского величества вторым голстинским сыном в вашу императорскую высокую фамилию воспряту быть... Якоже и я оставить не могу вашего императорского величества сим всепокорнейше просить ко мне высокую свою милость явить, высокопомянутую принцессу, дочь свою, ее императорское высочество мне в законную супругу матернею высочайшею милостию позволить и даровать». Далее следовало обязательство: «что я во всю свою жизнь готов буду за ваше императорское величество, императорскую фамилию и за интерес Российского государства и последнюю каплю крови радостно отдать».³

Чувства и взаимную приязнь при заключении подобных браков, как правило, в расчет никто не принимал. Но в данном случае Елизавета Петровна воспыла к жениху самой нежной любовью. Уже был составлен брачный контракт, но тут случилось непредвиденное — жених скоропостижно скончался от оспы.

Невеста искренне оплакивала утрату. Смерть нареченного зятя серьезно огорчила и ее мать.

³ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 66–68.

Екатерина во что бы то ни стало хотела иметь наследника. Надежды на потомство от хилого герцога Голштинского были слабыми — со времени свадьбы прошло более года, а никаких признаков беременности старшая дочь Екатерины Анна не обнаруживала. Промедление с замужеством Елизаветы тоже было сопряжено с угрозой лишиться потомства — дочь к восемнадцати годам отличалась несколько излишней, не по годам, полнотой, и, по представлениям того времени, дальнейшее промедление с браком грозило сделать ее неспособной к рождению детей.⁴

В мае 1727 года, после смерти императрицы Екатерины, Елизавета Петровна осталась круглой сиротой. Предоставленная самой себе, лишенная родительского попечения, она предалась разгулу и оказалась неразборчивой в выборе поклонников. Именно к лету 1727 года относится увлечение Петра II своей теткой.

Первые сведения на этот счет можно почерпнуть в депеше Лефорта от 14 июля: «Царь оказывает много привязанности к великой княжне Елизавете, что дает повод к спору между им и сестрою».⁵ 19 августа того же года другой дипломат Мардефельд доносил: «Елизавета Петровна пользуется глубоким уважением императора, ибо он до того свыкся с ее приятным общением, что почти не может быть без нее. Уважение это, естественно, должно возрастать, ибо эта великая княжна обладает, кроме чрезвычайной красоты, такими душевными качествами, которые делают ее поклонниками всех».

Возможность общения с цесаревной Петр Алексеевич получил во время болезни Меншикова, когда надзор над ним со стороны самого князя и его семьи ослаб, и император получил возможность покидать дворец светлейшего и встречаться с лицами, не относившимися к его крестуре.

Веселая и раскованная, цесаревна увлекла племянника не одними своими женскими прелестями, но самым образом жизни. Она любила танцевать, любила охоту, верховую езду — все это пришлось по душе и Петру. В отличие от Меншикова Елизавета не лезла к нему с нравочениями, не стремилась ограничить его волю, заставить его заниматься делами. Эту черту характера цесаревны подметил герцог де Лириа. «Принцесса Елизавета не думает ни о чем, кроме удовольствия, и не решается говорить царю ни о чем», — писал он в июне 1728 года.⁶

9 сентября 1727 года, в канун ареста Меншикова, прусский посол Мардефельд докладывал своему правительству: «Император в Петергофе до того отличил великую княжну Елизавету Петровну, что начинает быть с нею неразлучным».⁷ 8 ноября того же года Маньян сообщал уже не о привязанности, а о настоящей страсти двенадцатилетнего Петра: «Страсть царя к принцессе Елизавете не удалось заглушить, как думали раньше, напротив, она дошла до того, что причиняет теперь действительно министерству очень сильное беспокойство. Царь до того отдался своей склонности с желанием своим, что немало, кажется, затруднены, каким путем предупредить последствия подобной страсти, и хотя этому молодому государю всего двенадцать лет, тем не менее Остерман заметил, что большой риск оставлять его наедине с принцессой Елизаветой».

Верховный тайный совет даже решил, чтобы один из членов совета

⁴ См. об этом: Павленко Н. И. Елизавета Петровна. М., 2005. С. 15.

⁵ Сб. РИО. Т. 3. С. 484.

⁶ Осмнадцатый век. С. 80.

⁷ Сб. РИО. Т. 75. С. 384.

попеременно сопровождал царя. Однако роль соглядатаев оказалась не по душе Головкину и Апраксину. Они заявили Петру о своем намерении удалиться от двора, «если он не изменит вскоре своего отношения к принцессе Елизавете».⁸

Угроза нисколько не охладила страсть Петра, что следует из депеш послов в следующем, 1728 году.

10 января де Лириа писал: «Больше всего царь доверяет принцессе Елизавете, своей тетке, я думаю, что его расположение к ней имеет весь характер любви». Два месяца спустя в очередной депеше он подтвердил свое наблюдение: «Любовь к принцессе Елизавете, своей тетке — любовь, которую он заявляет открыто, что не нравится великой княжне, которая, впрочем, ведет себя с величайшим благоразумием и осторожностью». Он же 10 мая: «Принцесса Елизавета сопровождает царя в его охоте, оставивши двух своих иностранных слуг и взявши с собою только одну русскую даму и двух русских служанок».⁹

О том, что отношения между теткой и племянником отнюдь не носили платонический характер, было известно и французскому дипломату Маньяну. В октябре 1727 года в донесении своему правительству он описывал «нечто вроде страсти», которую царь питает к своей тетке: эта страсть «возникла от постоянной привычки видеться с принцессой, но третьего дня было решено, что принцесса должна покинуть царский дворец и поселиться на другой стороне реки». Принятые меры не помогли, и десять дней спустя Маньян убедился: страсть царя к Елизавете не удалось заглушить, как думали раньше, напротив, она дошла до того, что причиняет теперь действительно очень сильное беспокойство.¹⁰

Пик любовных утех Петра с Елизаветой приходится на первую половину 1728 года. В январе этого года свое отношение к тетке племянник выразил щедрым подарком, пожаловав ей имение, приносящее доход в 30 тысяч рублей в год.

В июле наступило охлаждение, не оставшееся без внимания иностранных дипломатов. 16 августа де Лириа информировал мадридский двор: «Царь уже меньше интересуется принцессой Елизаветой, своей теткой: он не выражает ей прежнего внимания и реже входит в ее комнату».¹¹

Более подробен Маньян. В донесении от 13 сентября он писал: «Царь, видимо, относится теперь очень холодно к принцессе Елизавете». Наступившую холодность посол объяснял «не столько соображениями здешнего молодого государя о личном поведении этой принцессы, сколько его вниманием к своему любимцу князю Долгорукову, к которому, как говорят, эта принцесса была не равнодушна». Но, главное, царю доложили о «сближении» принцессы Елизаветы «с одним гренадером», которое зашло, «как некоторые полагают, должно быть, слишком далеко». На беду, гренадер заболел. «Несколько недель тому назад, — продолжает Маньян, — цесаревна отправилась пешком на богомолье в монастырь, за 60 верст отсюда, и единственным побуждением к такому путешествию было желание испросить для этого гренадера исцеления от недуга...» Принцессу сопровождал ее новый фаворит Бутурлин. По мнению «главных русских вельмож», подводил Маньян итог своим наблюдениям, положение Елизаветы при дворе «должно лишить друзей и сторонников этой принцессы всякой надежды, какую они могли возлагать

⁸ Там же. С. 137.

⁹ Оснадцатый век. С. 56, 68.

¹⁰ Сб. РИО. Т. 75. С. 104, 105.

¹¹ Оснадцатый век. С. 97.

на кредит ее у царя». ¹²

Царя упорно настраивали против тетки князя Долгорукие. Естественно, это объяснялось не их заботой о нравственности юного монарха, но совсем другими соображениями, а именно горячим желанием главы клана князя Алексея Григорьевича и его сына Ивана женить Петра на Екатерине Долгорукой. Поведение Елизаветы Петровны давало Долгоруким хорошие козыри для этого.

О безнравственном поведении Елизаветы постоянно писал в своих донесениях испанский посол де Лириа — тот самый, который так восхищался ее внешностью. Вряд ли нравы мадридского двора отличались целомудрием, но распущенность юной красавицы вызывала у испанца все больше и больше негодования.

15 ноября он писал: «Принцесса Елизавета после царя теперь будет ближайшей преемницей короны, и от ее честолюбия можно бояться всего. Поэтому думают или выдать ее замуж, или погубить ее, по смерти царя заключив ее в монастырь. В необходимости последнего она убеждает ежедневно своим дурным поведением, и если вперед не будет вести себя лучше, все же кончит тем, что ее запрут в монастырь». ¹³ Далее негативные оценки нарастают. 29 ноября: «...Красота ее физическая — это чудо, грация ее неописанна, но она лжива, безнравственна и крайне честолюбива». 21 февраля 1729 года: «Принцесса Елизавета делает то же (предается удовольствиям и наслаждениям. — *Н. П.*) с такою публичностью, что доходит до бесстыдства, что недалеко то время, когда с нею поступят как-нибудь решительно». 14 марта: «Поведение принцессы Елизаветы с каждым днем делается все хуже и хуже: она без стыда делает вещи, которые заставляют краснеть даже наименее скромных».

Однако даже развратное поведение тетки не погасило страсти к ней императора. Показательно, что во время церемоний помолвок Петра как с Марией Меншиковой, так и с Екатериной Долгорукой современники отмечали явное равнодушие царя к своим будущим супругам. Это можно рассматривать как косвенное свидетельство того, что в голове у жениха роились мысли совсем о другой женщине, а именно о горячо желанной тетушке.

В декабре 1728 года, то есть в то время, когда наблюдалось охлаждение в отношениях между Петром и Елизаветой, наставник императора А. И. Остерман заявлял, «что боится, чтобы царь снова не влюбился в Елизавету». Очевидно, основания для этих опасений имелись. Дабы не допустить возобновления, казалось бы, угасшей страсти, вельможи решили выдворить цесаревну за пределы России. С этой целью начались интенсивные переговоры между русским и польским дворами о выдаче Елизаветы Петровны замуж за Морица Саксонского. Однако эти переговоры внезапно прервались — надо полагать, по повелению императора.

Елизавета Петровна была настолько уверена в силе своих чар и привязанности к себе племянника, что позволяла себе весьма рискованные поступки. И речь идет не только о ее отношениях с другими мужчинами. Она, например, отсутствовала на праздновании годовщины со дня коронации императора. По мнению Маньяна, оказавшемуся, впрочем, ошибочным, при дворе «смотрят на это обстоятельство как на преддверие бури, грозящей этой принцессе». Бури, однако, не произошло.

Де Лириа повествует о праздновании дня рождения Елизаветы Петровны, состоявшегося 29 декабря. На нем обещал присутствовать император, но он уехал охотиться на медведей. «Принцесса Елизавета, — повествует де Лириа, — почувствовала себя бесконечно оскорбленной ревливой заботливостью, с которой

¹² Сб. РИО. Т. 75. С. 137, 237.

¹³ Оснадцатый век. С. 35.

Долгорукие стараются удалить от нее царя. И все знают, что эта их ревность даже противна самому монарху, который, несмотря на все, что они заставляют его делать, все-таки сохраняет к принцессе постоянную любовь».

В этой же депеше де Лириа сообщал о трогательной встрече императора с цесаревной: «Меня также уверяют, что однажды ночью царь был на свидании с принцессой Елизаветой, и оба вместе они долго плакали, после чего монарх будто бы сказал своей тетке, чтобы она потерпела, что дела де изменятся. Все это вместе с холодностью, которую царь оказывает своей невесте (Екатерине Долгорукой. — *Н. П.*), заставляет меня думать, что в воздухе собирается гроза».¹⁴

Повторимся еще раз: основания говорить о благотворном влиянии Елизаветы Петровны на императора отсутствуют напрочь. Напротив, ей, как и племяннику, импонировала праздная, беззаботная, наполненная одними только удовольствиями жизнь. Не видно, чтобы цесаревна, которой в 1729 году исполнилось двадцать лет, проявляла интерес к политике, дворцовым интригам или сверх меры использовала близость к императору в корыстных целях.

Совсем в ином свете предстают отношения Петра с сестрой Натальей Алексеевной. Она была старше брата на 15 месяцев, но в их характерах и поведении просматриваются столь существенные различия, будто у них были разные родители или они росли и воспитывались в несхожих условиях. Петр был капризным, безалаберным и своевольным подростком, в то время как его сестра — разумной, не по возрасту рассудительной и уравновешенной девицей.

Впрочем, такого рода контрасты нельзя считать редким явлением. К несхожим натурам относятся, например, дочери Петра Великого, Анна и Елизавета. Обеих тоже воспитывали в одинаковых условиях, однако хорошо известно, сколь несхожими они оказались, достигнув зрелого возраста. Анна Петровна всего на год была старше сестры, но любознательность породила в ней тягу к самообразованию — она отличалась начитанностью, серьезным восприятием окружающего, благоразумием, в то время как ее младшая сестра Елизавета ограничилась приобретенным в детские годы и, избалованная всеобщим вниманием к своей на редкость привлекательной внешности, отличалась легкомыслием, неукротимой тягой к удовольствиям и наслаждениям. (Она, похоже, за всю жизнь не прочла ни одной книги, так как чтение считала вредным для здоровья — старшая сестра, по ее мнению, и скончалась в двадцатилетнем возрасте, потому что подорвала здоровье чтением книг.)

Историки не располагают сведениями ни об интересе великой княжны Натальи Алексеевны к чтению книг, ни о ее образованности. Ее имя стало мелькать в депешах иностранных послов с 1727 года, когда ее брат был провозглашен императором. Причем большинство донесений описывают состояние ее здоровья, и лишь немногие отмечали ее поступки и достоинства.

Лефорт доносил 12 июня 1727 года: «Нельзя довольно налюбоваться на рассудительное поведение великой княжны. Она — Минерва (покровительница ремесел и искусств. — *Н. П.*) для царя».¹⁵ Наталья Алексеевна осуждала как увлечение брата теткой Елизаветой Петровной, так и его страсть к охоте. Но, как отмечал Лефорт в декабре того же года, и великая княжна, и действующий заодно с нею Остерман «потеряли всякое значение с своими увещеваниями. Великая княжна часто бывает огорчена поступками царя, следующего только прекрасным правилам Долгоруких».

¹⁴ Там же. С. 111, 113, 151, 162, 190, 191.

¹⁵ Сб. РИО. Т. 3. С. 480.

Герцог де Лириа тоже заметил достоинства сестры царя. «Могу уверить вас, — делился своими впечатлениями посол с мадридским двором, — это (смерть великой княжны. — *Н. П.*) будет незаменимая потеря для России: ее ум, рассудительность, благородство, наконец, все качества ее души выше всякой похвалы. Иностранцы теряют в ней покровительницу, и особенно Остерман, к которому она всегда имела величайшее доверие».¹⁶ Легко заметить, что де Лириа вообще давал самые лестные отзывы о великой княжне. Впрочем, очевидно, что испанский посол сильно преувеличивал добродетели тринадцатилетней девочки.

В апреле 1728 года прусский посол Мардефельд дал о великой княжне отзыв, близкий к оценке Лефорта: «Многие говорят, что она, как разумная и дальновидная особа, так близко принимает к сердцу все отклонения от правильного воспитания ее брата, что в этом и состоит главная причина ее болезни».¹⁷

Самыми обстоятельными сведениями об усилиях великой княжны раскрыть брату глаза на губельные для него последствия тесных контактов с Иваном Долгоруким располагал К. Рондо: «Царевна в самых горячих выражениях представила брату дурные последствия, которые следует ожидать для него самого и для всего народа русского, если он и впредь будет следовать советам молодого Долгорукого, поддерживающего и затевающего всякого рода разврат. Она прибавила, что и больна от горя, которое испытывает, видя, как его величество, пренебрегая делом, отдается разгулу». Уже после кончины Натальи Алексеевны, 3 декабря 1728 года, английский посол К. Рондо доносил, что брат, «чтобы утешить умирающую, обещал исполнить ее желание, но со смертью царевны он изменил слову, и князь (Долгорукий. — *Н. П.*) теперь в милости больше, чем когда-нибудь».¹⁸

Надобно отметить, что дипломаты переоценивали степень влияния великой княжны на брата. Оно было значительным при Меншикове, когда отрок искал у нее совета, как у старшей сестры и самого близкого к нему человека. Но после того как Петр оказался покорен двумя страстями: охотой и увлечением теткой, обе они (эти страсти) затмили влияние сестры, отодвинули ее на второй план. Теперь советы и увещания великой княжны либо принимались лишь для вида, либо напрочь игнорировались. Петр начал сторониться встреч с сестрою, чтобы не выслушивать очередную ее нотацию. Об этом говорил Остерман, лучше других осведомленный о подлинных отношениях между братом и сестрой. Так, в беседе с Лефортом Андрей Иванович прямо заявил, что великая княжна оказывала незначительное влияние на брата.¹⁹

Об исчезновении близких отношений между братом и сестрой свидетельствует поведение Петра накануне кончины сестры. Это поведение характеризует императора далеко не с лучшей стороны. Наталья Алексеевна перед смертью пожелала проститься с братом, но он был на охоте. Пришлось послать к нему одного за другим пятерых курьеров.

Но иностранные дипломаты не ошибались в том, что касалось симпатии, которую питала к ним сестра императора. Именно в ней они видели свою защитницу. А потому с особо пристальным вниманием они следили за состоянием

¹⁶ Осмнадцатый век. С. 111.

¹⁷ Сб. РИО. Т. 15. С. 390, 398.

¹⁸ Сб. РИО. Т. 66. С. 26, 28.

¹⁹ Сб. РИО. Т. 3. СПб., 1870. С. 317.

здоровья великой княжны: все иноземные послы считали необходимым сообщать своим дворам о том, как протекала ее болезнь и как постепенно угасала надежда на ее выздоровление.

Используя извлечения из депеш, можно составить хронологию течения болезни великой княжны.

8 апреля 1728 года. Мардефельд: «Наталья Алексеевна нездорова, и она проводит большую часть времени в постели».

26 июля. Де Лириа: 23 июля — день рождения великой княжны. Она специально встала с постели, чтобы присутствовать на ужине, «хотя так слаба, что едва может держаться на ногах. Все медики думают, что у нее легочная чахотка и, я боюсь, проживет ли она еще несколько недель, хотя ей и дадут то средство, которое рекомендовал я, а именно молоко женщины».

26 июля. Лефорт: «У великой княжны остались следы бывшей у нее болезни, именно чахоточный кашель и худоба, заставляющая бояться за нее. Вот следы нездорового помещения в Кремле и прогулок, которые она принуждена была предпринять для доставления удовольствия своему брату».

9 августа. Де Лириа: «Великая княжна чувствует себя гораздо лучше с того времени, как ее лечит новый медик».

23 августа. Де Лириа: «Здоровье великой княжны улучшается. Вчера я имел честь быть с нею восприемником дочери одного контролера при столе его величества».

26 августа. К. Рондо: «Царевна Наталья Алексеевна была очень больною в Москве, она теряла фунта по два крови».

15 ноября. Де Лириа: «...великая княжна в отчаянном положении, почему его величество возвратился в город ныне же... Великая княжна умирает, и ее потеря незаменима: в моей жизни я не видал принцессы более совершенной».

29 ноября. Де Лириа: «С того времени, как великая княжна начала принимать женское молоко, здоровье ее не улучшается: надежды на выздоровление не предвидится».²⁰

Наталья Алексеевна скончалась 22 ноября (3 декабря по новому стилю) 1728 года. Это была действительно огромная потеря для Петра II, ибо в лице сестры он имел человека, который искренне любил его и желал ему добра. Но сам Петр этого, кажется, не понимал.

В архиве сохранился текст «придворного распоряжения касательно погребальной церемонии великой княжны Натальи Алексеевны». Из этого документа явствует, что похороны великой княжны должны были отличаться пышностью и торжественностью. В них принимал участие сам император.

В церемонии предполагалось участие двух шталмейстеров: один шел впереди процессии, другой ее замыкал. Основную часть процессии открывали 36 трубачей и три литавщика. За ними следовали пажи великой княжны во главе с гофмейстером. Далее в санях везли гроб. Лошади были покрыты черными попонами, а сани — черным бархатом. За гробом следовали 48 лакеев в траурном одеянии с факелами, из коих 34 сопровождали гроб, а 16 — императора.

Перечисленные участники церемонии комплектовались из штата великой княжны. За ними следовали 13 карет, запряженных цугами, в которых восседали маршалы, кавалеры и гофдамы. За этими каретами ехали дамы, тоже в каретах; их число не указано.

За императором несли шлейф три камергера. Каждого сопровождали по два

²⁰ Сб. РИО. Т. 15. С. 398; Осмнадцатый век. С. 88, 94, 111, 113; Сб. РИО. Т. 5. С. 310.

гайдука.²¹

За день до погребения все кабаки должны были быть извещены о запрещении продавать в день похорон водку.

Погребение великой княжны сопровождалось инцидентом, свидетельствующим о живучести традиций местничества, отмененного еще в 1682 году. Несмотря на присутствие императора, многие так и не явились на похороны. Как пояснил К. Рондо, «...возникли большие споры по поводу мест в процессии и ее расположения, сановники никак не могли согласиться между собою».²² «Большинство лиц уклонились от присутствия на похоронах, — сообщил Маньян, — их поведение так не понравилось царю, что он, как говорят, грозился даже припомнить некоторым из них».

Влияние на императора пыталась оказать еще одна его близкая родственница — родная бабка Евдокия Федоровна Лопухина.

Первая супруга Петра Великого испытала на себе всю жестокость нравов того времени. Она была насильно пострижена мужем в монастырь, ибо для Петра это был единственный возможный способ расторгнуть брак с нелюбимой им женщиной. Молодая, сильная, пышущая здоровьем красавица приняла новое имя — Елена и должна была заживо схоронить себя в монашеской келье. Всего она провела в разных монастырях около трех десятилетий.

Сначала ее содержали в Суздальском Покровском монастыре. В 1718 году, однако, она была привлечена к следствию по делу царевича Алексея, во время которого обнаружилось, что бывшая царица не соблюдала правил монашеского поведения и даже вступила в интимную связь с капитаном Степаном Глебовым. Были найдены написанные ею письма, адресованные капитану. Глебова подвергли жестокой казни — он был посажен на кол, а блудницу отправили в Старую Ладугу, где она содержалась под более строгим надзором. Затем из Старой Ладогы инокиню Елену перевели в Шлиссельбургскую крепость, где в сентябре 1725 года ее довелось мельком видеть камер-юнкеру Берхгольцу. «Обозрев внутреннее расположение крепости, приблизились мы к большой деревянной башне, — писал он, — в которой содержится царица Евдокия Федоровна. Не знаю, с намерением или нечаянно, она прогуливалась по двору. Увидев нас, она поклонилась и громко говорила, но слов ее за отдаленностью нельзя было расслышать».²³

Вступление на престол внука сразу же изменило ее положение. Евдокии Федоровне вернули свободу. Бывшая царица избрала местом своего пребывания Новодевичий монастырь в Москве.

Двор находился в Петербурге, а из Шлиссельбурга, где она содержалась, до столицы было, что называется, рукой подать. Однако Меншиков распорядился везти бывшую царицу в Москву, не завозя ее в Петербург, — он опасался, что озлобленная Евдокия будет мстить оставшимся в живых виновникам гибели ее сына царевича Алексея и ужесточения содержания ее самой в монастыре, а в число этих виновников, несомненно, входил и он сам. И действительно, царица-инокиня питала к Меншикову самую неугасимую ненависть. Как свидетельствовал прусский посол барон Г. фон Мардефельд, царицу вообще «всегда считали за гордую и мстительную особу».

Опасения, однако, оказались напрасными: лучшие годы Евдокии Федоровны

²¹ Сб. РИО. Т. 75. С. 310; Т. 66. С. 35, 36.

²² РГАДА. Ф. 2. Д. 32. Л. 2–4.

²³ Берхгольц. Дневник. Ч. 4. М., 1860. С. 175.

были позади, здоровье утрачено. В карете, державшей путь в Москву, сидела старуха, желание которой состояло лишь в том, чтобы остаток дней своих провести спокойно, без потрясений и участия в интригах, довольствуясь положением бабки императора и отказавшись от вмешательства в дела управления.

Сразу же надо отметить особенность в отношениях бабки с ее внуком и внучкой — вряд ли они могли питать друг к другу нежные и теплые родственные чувства. Петр и Наталья росли вдали от бабки, не испытывали ее ласки и заботливости, а бабка до времени даже не подозревала о их существовании. Притом она была значительно более заинтересована в установлении контактов с внуком и внучкой, от которых ожидала самых разных и прежде всего материальных благ: возвращения титула царицы, восстановления престижа. Петр же общества бабушки не искал и в ее участии в своей судьбе не нуждался.

Однако внешние приличия необходимо было соблюдать, а они требовали встречи родственников.

Узнав о падении Меншикова, бабка 21 сентября 1727 года отправила внуку письмо следующего содержания: «Державнейший император, любезнейший внук! Хотя давно желание мое было не токмо поздравить ваше величество с восприятием престола, но паче вас видеть, но понеже счастию моему по се число не сподобилась, понеже князь Меншиков не допусая до вашего величества, послал меня за караулом к Москве. А ныне уведомилась, что за свои противности к вашему величеству отлучен от вас; и тако примаю смелость к вам писать и поздравить. Притом прошу: естли ваше величество к Москве вскоре быть не изволите, дабы повелели быть к себе, чтоб мне по горячности крови видеть вас и сестру вашу, мою любезную внуку, прежде кончины моей. Прошу меня не оставить, но прикажи уведомить, какое ваше изволение будет».²⁴

Но и освободившись от опеки Меншикова, царь не жаждал встречи с бабкой. Он хорошо знал о ее ненависти к детям Петра Великого от второго брака, и в частности к цесаревне Елизавете Петровне, в которую был страстно влюблен. Кроме того, бабка в первых же письмах стала донимать внука разного рода ходатайствами и просьбами, исполнение которых отвлекало юного царя от занятий, доставлявших удовольствие.

В желании поскорее увидеть внука и внучку царица проявляла немалую словесную изобретательность. «Дай, моя радость, мне себя видеть в моих таких несносных печалях, — например, писала она, — как вы родились, не дали мне про вас слышать, нежели видеть вас»; или: «наипаче того прошу: дайте мне себя видеть и порадоватца вами, такими дорогими сокровищи»; «а наипаче того желаю, чтоб мне вас видеть вскоре по моей к вам природной горячести»; я «забуду от такой своей радости все предбудущие свои печали, как вас увижу»; «о вашем вселюбезнейшем здоровье слышу, а вас не вижу и в том мне великая печаль»; «...чтоб мне вас видеть во всяком благополучии, и прошу вас также и молю всевышнего нашего Создателя, чтоб оное учинилось в недолгом времени, и мне истинно и веры не имеетца, чтоб мне вас видеть».

Внук отвечал бабке реже — разумеется, под диктовку наставника Остермана. Он также писал о своем горячем желании увидеться с нею, проявлял заботу о ее материальном благополучии и даже спрашивал, «в чем я могу услугу и любовь мою показать», но упорно сопротивлялся ее приезду в Петербург. 30 сентября в тон бабушкиных посланий Петр отвечал: «Я сам ничего так не желаю, как чтоб вас, дражайшую государыню бабушку, видеть, и надеюсь, что с Божию помощью еще нынешней зимы то учинится может». В следующем письме, отправленном 5

²⁴ Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 2. М., 1862. С. 69, 70.

октября, внук уточнил обстоятельства будущей встречи: он сам «для коронации своей в Москву прибыть намерен».²⁵

Эта неопределенность бывшую царицу никак не устраивала. Она продолжала донимать внука мольбами о более скором свидании и, разумеется, в Северной столице — бабке не терпелось показаться столичной элите и полубопытствовать, что представляло творение ненавистного ей покойного супруга.

Остерман не только сочинял письма бабке от имени своего царственного воспитанника, но и сам вступил с ней в переписку. Никогда ничего не делавший без ощутимой выгоды, барон и в данном случае рассчитывал извлечь пользу из контактов с царицей. Дело в том, что именно в это время до крайности обострился конфликт между ним и фаворитом императора Иваном Долгоруким. Над Андреем Ивановичем нависла угроза увольнения от должности воспитателя, и он искал поддержки всюду, где мог ее обрести, — в том числе и у царицы, которую он никогда не видел и о возможностях которой быть ему полезной не имел представления.

Первое письмо Евдокии Федоровне Остерман отправил 27 сентября 1727 года, то есть с тем же курьером, который вез письмо внука. В нем он заверил ее во «всеподданнейшей моей верности» как его императорскому величеству, так и в делах «которые к вашему величеству принадлежат». В другом письме к царице он обещал «его императорскому величеству, моему всемилостивейшему государю, без всяких моих партикулярных прихотей и страстей прямые и верные мои услуги показать, так и ваше величество соизволит всемилостивейше благонадежны быть в моей вернейшей преданности к вашего величества высокой особе».

К переписке с царицей он привлек и свою супругу, которая тоже убеждала Евдокию Федоровну: «...муж мой его императорскому величеству и вашему величеству служит и служить будет».

В данном случае Андрей Иванович просчитался — на деле оказалось, что царица была лишена возможности оказать ему помощь, хотя и обещала «сколь силы моей будет, и я вам всегда доброхотствовать буду». Однако, как явствует из донесений иностранных дипломатов, «сил» у царицы осталось маловато — их хватило лишь для того, чтобы вернуть из ссылки оставшихся в живых осужденных по делу ее сына царевича Алексея и возвратить своим родственникам Лопухиным конфискованное у них имущество. Правда, в этом отношении она действовала очень решительно. «Старая царица выхлопотала возвращение прав собственности всем, принадлежащим к ее дому... — доносил Маньян, — это исполняется с такою точностью, что приводит почти в отчаяние множество знатных лиц, награжденных этим имуществом большей частью в благодарность за услуги». Очевидно, в этом вопросе Евдокия Федоровна опиралась на полную поддержку царя.

Но личные отношения все не складывались. «До сих пор все еще не могут установиться искренние отношения между бабушкой и императором и обеими великими княжнами, — доносил 19 февраля 1728 года Г. фон Мардефельд. — Старая царица все еще живет в монастыре, где она занимает три маленькие комнатки или, вернее, кельи. Император и великие княжны сделали ей только один церемонный визит, который ей совсем не пришелся по душе, а также не достигла она желанной цели тем, что, облачившись в старомосковское одеяние, заставила всех посетителей подойти к своей руке».

Личная встреча бабки и внука состоялась незадолго до коронации Петра II. Единственное ее описание, причем весьма скудное, принадлежит перу испанского посла де Лириа. «В понедельник, 1 марта 1728 года (по новому стилю. — *Н. П.*),

²⁵ Там же. С. 72, 74, 80, 83, 105 и др.

бабка царя приехала во дворец видеть его царское величество, — доносил он. — Она имела терпение просидеть у него очень долго. Чтобы не позволить ей говорить о делах, на все это время он пригласил быть с ним принцессу Елизавету, чтобы она была для того помехой. Но она все-таки много говорила ему о его поведении, как меня уверяли, она советовала ему жениться, хотя даже на иностранке, что де будет все-таки лучше, чем вести эту жизнь, которую он ведет в настоящее время. Эти лекции или откровенность со стороны бабки не только дают надеяться, что его царское величество, чтобы избавиться от бабки, поспешит возвратиться в Петербург, но и утверждает меня в мнении, что она ни в каком случае не будет иметь влияния на дела управления».²⁶

Маньян подтвердил догадку де Лириа. Упреки внуку «относительно его связей с принцессой Елизаветой и ходатайства за некоторых из его министров» вызвали раздражение юного царя. Недовольство поведением бабки усилилось в связи с эпизодом с подметным письмом в защиту сосланного Меншикова. В ходе розыска выяснили, что духовник царицы-бабки получил «тысячу ефимков за то, чтобы ввести Меншикова в милость царицы». «Здесь, видимо, недовольны старой царицей, — доносил Маньян, — за то, что она умолчала о сообщении, сделанном ей духовником».

Маньян сообщил еще об одной детали в поведении царицы, вызвавшей недовольство внука: «Страшная ненависть, приписываемая старой царице по отношению к обеим дочерям, рожденным от второго брака покойного царя его супругой, заставила предполагать, что она не замедлит устроить так, чтобы принцесса Елизавета вынуждена была вступить в монастырь». «Некоторые даже того мнения, — добавлял он, — что ее мщение пойдет еще дальше, и она постарается о том, чтобы этот второй брак Петра I был признан недействительным, как заключенный еще при жизни его первой супруги». Напомним, что император в это время пылал горячей страстью к Елизавете, и намерение бабки упрятать ее в монастырь глубоко задевало его чувство. Маньян писал, что кредит царицы пал после того, как она сделала внушение царю относительно царевны Елизаветы Петровны.²⁷

Прусский посол Мардефельд, возможно, был прав, когда писал о тайной мечте старой царицы «разыгрывать роль правительницы». Однако такая роль была явно ей не по силам. Царица, писал Мардефельд, «не обладает ни малейшими качествами, необходимыми для этого»; к тому же ее «совершенно притупило тридцатилетнее строгое заключение».²⁸ У нее не доставало сил даже для того, чтобы участвовать в придворных интригах.

Слабое состояние здоровья Евдокии Федоровны отметил и де Лириа: 7 мая 1728 года ее «поразил в церкви апоплексический удар, который, впрочем, не имел роковых последствий» — через десять дней она поправилась.²⁹ Лефорт 1 августа 1729 доносил: «Бабка царя чувствует себя слабой и нездоровой от водяной. Состояние ее ухудшается от показавшейся наружу воды. Говорят, что она находится в опасном положении».³⁰

²⁶ Осмнадцатый век. С. 50, 51.

²⁷ Сб. РИО. Т. 75. С. 179, 189.

²⁸ Сб. РИО. Т. 15. С. 391.

²⁹ Осмнадцатый век. С. 68, 69.

³⁰ Сб. РИО. Т. 5. СПб., 1870. С. 326.

Внук, судя по наблюдению де Лириа, не имел желания часто встречаться с бабкой: Петр «хотя и почитает свою престарелую бабку, но виделся с нею только однажды именно потому, чтобы не дать ей повода говорить об управлении. Великая княжна тоже виделась с нею только один раз, и то взяла с собою принцессу Елизавету, чтобы иметь в ней поддержку, если бы та заговорила о политических и других делах, которые бы не способствовали взаимному удовольствию свидания».

Итак, Евдокия Федоровна, хотя и пользовалась внешним почетом, пребывала в фактической изоляции. В утешение внук мог облагодетельствовать ее материальными благами — в феврале 1728 года он назначил ей ежегодный пансион в 60 тысяч рублей, велел приготовить ей особое помещение при дворце с особым штатом, а также роскошную прислугу: пять карет с пятью цугами, 40 верховых лошадей, дворецкого, двух спальников, двух стремянных конюхов, а также кухмистра и поваров, «сколько пристойно». Он же пожаловал бабке два села, ранее принадлежавших Меншикову: Рождественское и Ивановское с двумя тысячами дворов.³¹

Видимо, Евдокия Федоровна смирилась с ролью сторонней наблюдательницы происходившего. В феврале 1728 года Мардефельд извещал прусский двор: «Бабушка заявила, что будет вести частную жизнь».³² Она скончалась в 1731 году, пережив и внучку, и внука.

Обе эти смерти произвели на нее очень тягостное впечатление. Узнав о тяжелой болезни великой княжны Натальи Алексеевны, она покинула свои покои, что делала нечасто, и навестила ее. Царица «нашла ее настолько плохой, — писал Маньян, — что сочла нужным, нимало не медля, совершить над ней предсмертные церковные обряды».

После же смерти царя Петра Алексеевича, когда царица подошла к гробу с его телом, она и вовсе лишилась чувств.

³¹ Оснадцатый век. С. 45; Сб. РИО. Т. 79. С. 128, 267, 277.

³² Сб. РИО. Т. 15. С. 396.